

1908—1915

* * *

Бежит тропинка с бугорка,
Как бы под детскими ногами,
Всё так же сонными лугами
Лениво движется Ока;

Колокола звонят в тени,
Спешат удары за ударом,
И всё поют о добром, старом,
О детском времени они.

О, дни, где утро было рай,
И полдень рай, и все закаты!
Где были шпагами лопаты
И замком царственным сарай.

Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Всё так же сонно-тяжело
Качаются на клумбах мальвы...

[1911—1912]1

Старуха

Слово странное: старуха!
Смысл неясен, звук угрюм
Как для розового уха
Темной раковины шум.

В нем — непонятое всеми,
Кто — мгновения экран.
В этом слове дышит время.
В раковине — океан.

[1911—1912]

Домики старой Москвы

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Всё исчезаете вы,

Точно дворцы ледяные,
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?

Где клавесина аккорды,
Темные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,

Кудри, склоненные к пальцам,
Взгляды портретов в упор?..
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!

Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды —
Грузные, в шесть этажей.

Домовладельцы — их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.

[1911—1912]

* * *

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала — тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти — слепоты куриной
И маков набрав букет,
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь — могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед, —
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
— И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

3 мая 1913. Коктебель

* * *

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, —
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
И как сердце мне испепелил
Этот даром истроченный порох.

О, летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы — если б знали, —

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы,
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

17 мая 1913

* * *

Мальчиком, бегущим резво,
Я предстала Вам.
Вы посмеивались трезво
Злым моим словам:

«Шалость — жизнь мне, имя — шалость!
Смейся, кто не глуп!»
И не видели усталость
Побледневших губ.

Вас притягивали луны
Двух огромных глаз.
Слишком розовой и юной
Я была для Вас!

Тающая легче снега,
Я была — как сталь.
Мячик, прыгнувший с разбега
Прямо на рояль,

Скрип песка под зубом или
Стали по стеклу...
Только Вы не уловили
Грозную стрелу

Легких слов моих и нежность
Гнева напоказ...
Каменную безнадежность
Всех моих проказ!

19 мая 1913

* * *

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти
— Нечитанным стихам! —

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Май 1913. Коктебель

* * *

Я сейчас лежу ничком
— Взбѣшенная! — на постели.
Если бы Вы захотели
Быть моим учеником,

Я бы стала в тот же миг
— Слышите, мой ученик? —

В золоте и серебре
Саламандра и Ундина.
Мы бы сели на ковре
У горящего камина.

Ночь, огонь и лунный лик...
— Слышите, мой ученик? —

И безудержно — мой конь
Любит бешеную скачку! —
Я метала бы в огонь
Прошрое — за пачкой пачку:

Старых роз и старых книг.
— Слышите, мой ученик? —

А когда бы улеглась
Эта пепельная груда, —
Господи, какое чудо
Я бы сделала из Вас!

Юношей воскрес старик!
— Слышите, мой ученик? —

А когда бы Вы опять

Бросились в капкан науки,
Я осталась бы стоять,
Заломив от счастья руки,

Чувствуя, что ты — велик!
— Слышите, мой ученик?

1 июня 1913

* * *

Идите же! — мой голос нем,
И тщетны все слова.
Я знаю, что ни перед кем
Не буду я права.

Я знаю: в этой битве пасть
Не мне, прелестный трус!
Но, милый юноша, за власть
Я в мире не борюсь.

И не оспаривает Вас
Высокородный стих.
Вы можете — из-за других —
Моих не видеть глаз,

Не слепнуть на моем огне,
Моих не чуют сил...
(Какого демона во мне
Ты в вечность упустил!)

Но помните, что будет суд,
Разящий, как стрела,
Когда над головой блеснут
Два пламенных крыла!

11 июля 1913

Сергею Эфрон-Дурново

Есть такие голоса,
Что смолкаешь, им не вторя,
Что предвидишь чудеса.
Есть огромные глаза
Цвета моря.

Вот он встал перед тобой:
Посмотри на лоб и брови
И сравни его с собой!
То усталость голубой
Ветхой крови.

Торжествует синева
Каждой благородной веной.
Жест царевича и льва
Повторяют кружева

Белой пеной.

Вашего полка — драгун,
Декабристы и версальцы!
И не знаешь — так он юн, —
Кисти, шпаги или струн
Просят пальцы.

19 июля 1913. Коктебель

* * *

В тяжелой мантии торжественных обрядов,
Неумолимая, меня не встретить.
На площади, под тысячами взглядов,
Позволь мне умереть.

Чтобы лился на волосы и в губы
Полуденный огонь.
Чтоб были флаги, чтоб гремели трубы
И гарцевал мой конь.

Чтобы церковью сияла позолота,
В раскаты грома превращался гул,
Чтоб из толпы мне юный кто-то
И кто-то маленький кивнул.

В лице младенца ли, в лице ли Рока
Ты явишься — моя мольба тебе:
Дай умереть прожившей одиноко —
Под музыку в толпе.

1913. Феодосия

Встреча с Пушкиным

Я поднимаюсь по белой дороге,
Пыльной, звенящей, крутой.
Не устают мои легкие ноги
Выситься над высотой.

Слева — крутая спина Аю-Дага,
Синяя бездна — окрест.
Я вспоминаю курчавого мага
Этих лирических мест.

Вижу его на дороге и в гроте...
Смуглую руку у лба... —
Точно стеклянная, на повороте
Продребезжала арба... —

Запах — из детства — какого-то дыма
Или каких-то племен...
Очарование прежнего Крыма
Пушкинских милых времен.

Пушкин! — Ты знал бы по первому слову,
Кто у тебя на пути!
И просиял бы, и под руку в гору
Не предложил мне идти...

Не опираясь на смуглую руку,
Я говорила б, идя,
Как глубоко презираю науку
И отвергаю вождя,

Как я люблю имена и знамена,
Волосы и голоса,
Старые вина и старые троны —
Каждого встречного пса! —

Полуулыбки в ответ на вопросы,
И молодых королей...
Как я люблю огонек папиросы
В бархатной чаше аллея,

Марионеток и звук тамбурина,
Золото и серебро,
Неповторимое имя: Марина,
Байрона и болеро,

Ладанки, карты, флаконы и свечи,
Запах кочевий и шуб,
Лживые, в душу идущие, речи
Очаровательных губ.

Эти слова: никогда и навеки,
За колесом — колею...
Смуглые руки и синие реки,
Ах — Мариулу твою!

Треск барабана — мундир властелина —
Окна дворцов и карет,
Рощи в сияющей пасти камина,
Красные звезды ракет...

Вечное сердце свое и служенье
Только ему, Королю!
Сердце свое и свое отраженье
В зеркале... — Как я люблю...

Кончено... — Я бы уж не говорила,
Я посмотрела бы вниз...
Вы бы молчали, так грустно, так мило
Тонкий обняв кипарис.

Мы помолчали бы оба — не так ли? —
Глядя, как где-то у ног,
В милой какой-нибудь маленькой сакле
Первый блеснул огонек.

И — потому, что от худшей печали

Шаг — и не больше! — к игре,
Мы рассмеялись бы и побежали
За руку вниз по горе.

1 октября 1913

* * *

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверзтую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности Земли.

Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь, с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет все — как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой mine
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,

Виолончель, и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
— Меня, такой живой и настоящей,
На ласковой земле!

К вам всем — что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?! —
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.

И день, и ночь, и письменно, и устно:
За правду да и нет,
За то, что мне так часто — слишком грустно
И только двадцать лет.

За то, что мне прямая неизбежность —
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
Послушайте! — Еще меня любите
За то, что я умру.

8 декабря 1913

* * *

Быть нежной, бешеной и шумной,
— Так жаждать жить! —
Очаровательной и умной, —
Прелестной быть!

Нежнее всех, кто есть и были,
Не знать вины...
— О возмущенье, что в могиле
Мы все равны!

Стать тем, что никому не мило,
— О, стать как лед! —
Не зная ни того, что было,
Ни что придет.

Забыть, как сердце расколосось
И вновь срослось,
Забыть свои слова и голос,
И блеск волос.

Браслет из бирюзы старинной —
На стебельке,
На этой узкой, этой длинной
Моей руке...

Как зарисовывая тучку
Издавека,
За перламутровую ручку
Бралась рука,

Как перепрыгивали ноги
Через плетень,
Забыть, как рядом по дороге
Бежала тень.

Забыть, как пламенно в лазури,
Как дни тихи...
— Все шалости свои, все бури
И все стихи!

Мое свершившееся чудо
Разгонит смех.
Я, вечно-розовая, буду
Бледнее всех.

И не раскроются — так надо —
— О, пожалей! —
Ни для заката, ни для взгляда,
Ни для полей —

Мои опущенные веки.
— Ни для цветка! —
Моя земля, прости навеки,
На все века.

И так же будут таять луны

И таять снег,
Когда промчится этот юный,
Прелестный век.

Сочельник 1913 г. Феодосия

Генералам двенадцатого года

Сергею

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса,

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след, —
Очаровательные франты
Минувших лет!

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань Господня
И сердце матери, — вчера
Малютки-мальчики, сегодня —
Офицера!

Вам все вершины были малы
И мягок самый черствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!

Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я видела, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик.

И Вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна...

О, как мне кажется, могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать — и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Три сотни побеждало — трое!

Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы всё могли!

Что так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли остриё —
И весело переходили
В небытиё.

26 декабря 1913. Феодосия

* * *

Над Феодосией угас
Навеки этот день весенний,
И всюду удлиняет тени
Прелестный предвечерний час.

Захлебываясь от тоски,
Иду одна, без всякой мысли,
И опустились и повисли
Две тоненьких мои руки.

Иду вдоль генуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,
И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен.

И скромн ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у самого лица.

Иду вдоль крепостных валов,
В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов.

14 февраля 1914. Феодосия

* * *

В огромном липовом саду
— Невинном и старинном —
Я с мандолиною иду,
В наряде очень длинном,

Вдыхая теплый запах нив
И зреющей малины,
Едва придерживая гриф
Старинной мандолины,

Пробором кудри разделив...
— Тугого шелка шорох,
Глубоко вырезанный лиф
И юбка в пышных сборах. —

Мой шаг изнежен и устал,
И стан, как гибкий стержень,
Склоняется на пьедестал,
Где кто-то ниц повержен.

Упавшие колчан и лук
На зелени — так белы!
И топчет узкий мой каблук
Невидимые стрелы.

А там, на маленьком холме,
За каменной оградой,
Навеки отданный зиме
И веющий Элладой,

Покрытый временем, как льдом,
Живой каким-то чудом —
Двенадцатиколонный дом
С террасами, над прудом.

Над каждой колонной в ряд
Двойной замкнулся локон,
И бриллиантами горят
Его двенадцать окон.

Стучаться в них — напрасный труд:
Ни тени в галерее,
Ни тени в залах. — Сонный пруд
Откликнется скорее.

О где Вы, где Вы, нежный граф?
О Дафнис, вспомни Хлою!
Вода волнуется, приняв
Живое — за бывшее.

И принимает, лепеча,
В прохладные объятия —
Живые розы у плеча
И розаны на платье.

Уста, еще алее роз,
И цвета листьев — очи...
И золото моих волос
В воде еще золоче!

О, день без страсти и без дум,
Старинный и весенний!
Девического платья шум
О ветхие ступени...

2 января 1914

Чародей

Анастасии Цветаевой

Он был наш ангел, был наш демон,
Наш гувернёр — наш чародей,
Наш принц и рыцарь. — Был нам всем он
Среди людей!

В нем было столько избытий,
Что и не знаю, как начну!
Мы пламенно его любили —
Одну весну.

Один его звонок по зале —
И нас охватывал озноб,
И до безумия пылали
Глаза и лоб.

И как бы шевелились корни
Волос, — о эта дрожь и жуть!
И зала делалась просторней,
И уже — грудь.

И руки сразу леденели,
И мы не чувствовали ног.
— Семь раз в течение недели
Такой звонок!

Он здесь. Наш первый и последний!
И нам принадлежащий весь!
Уже выходит из передней!
Он здесь, он здесь!

Он вылетает к нам, как птица,
И сам влетает в нашу сеть!
И сразу хочется кружиться,
Кричать и петь.

Прыжками через три ступени
Взбегаем лесенкой крутой
В наш мезонин — всегда весенний
И золотой.

Где невозможный беспорядок,
Где точно разразился гром
Над этим ворохом тетрадок,
Еще с пером. [...]2

Жерло заговорившей Этны —
Его заговоривший рот.
Ответный вихрь и смерч, ответный
Водоворот.

Здесь и проклятья, и осанка,
Здесь все сжигает и горит.

О всем, что в мире несказанно,
Он говорит.

Нас — нам казалось — насмерть рая
Кинжалами зеленых глаз,
Змеей взвиваясь на диване!..
О, сколько раз

С шипеньем раздраженной кобры
Он клял Вселенную и нас, —
И снова становился добрый...
Почти на час.

Священнодействия — девизы —
Витийства — о король плутов!
Но нам уже доносят снизу,
Что чай готов.

Среди пятипудовых тёток
Он с виду весит ровно пуд:
Так лёгок, резок, строен, чётко,
Так страшно худ.

Да нет, он ничего не весит!
Он ангельски, бесплотно — юн!
Его лицо — как юный Месяц
Меж полных лун.

Упёршись в руку подбородком,
О том, как вечера тихи,
Читает он. — Как можно тёткам
Читать стихи?!

О, как он мил и как сначала
Преувеличенно учтив!
Как, улыбаясь, прячет жало
И как, скрестив

Свои магические руки,
Умеет — берегись, сосед! —
Любезно отдаваться скуке
Пустых бесед.

Но вдруг — безудержно и сразу! —
Он вспыхивает мятежом,
За безобиднейшую фразу
Грозя ножом.

Еще за полсекунды чинный,
Уж с пеной у рта взвел курок.
— Прощай, уют, и именинный,
Прощай, пирог!

Чай кончен. — Удлинились тени,
И домурлыкал самовар.
Скорей на свежий и весенний

Тверской бульвар!

Нам так довольно о Бодлэре!
Пусть ветер веет нам в лицо!
Поют по-гоголевски двери,
Скрипит крыльцо...

В больших широкополых шляпах
Мы, кажется, еще милей...
И этот запах, этот запах
От тополей. [...]

Играет солнце по аллеям...
— Как жизнь прелестна и проста! —
Нам ровно тридцать лет обеим:
Его лета.

О, как вас перескажешь ныне —
Четырнадцать — шестнадцать лет!
Идем, наш рыцарь посредине,
Наш свой — поэт.

Мы по бокам, как два привеска,
И видит каждая из нас:
Излом щеки, сухой и резкий,
Зеленый глаз.

Крутое острие бородки,
Как злое острие клинка,
Точеный нос и очерк четкий
Воротничка.

(Кто с нашим рыцарем бродячим
Теперь бредет в луче златом?..)
Над раскаленным, вурдалачьим
Тяжелым ртом —

Уса, взлетевшего высоко,
Надменное полукольцо...
— И всё заглядываем сбоку
Ему в лицо.

А там, в полях необозримых,
Служа Небесному Царю,
Чугунный правнук Ибрагимов
Зажег зарю. [...]

О Эллис! — Прелесть, юность, свежесть.
Невинный и волшебный взор!
Плач ангела! — Зубовный скрежет!
Святой танцор.

Без думы о насущном хлебе
Живущий — чем и как — Бог весть!
Не знаю, есть ли Бог на небе! —
Но если есть —

Уже сейчас, на этом свете,
Все до единого грехи
Тебе отпущены за эти
Мои стихи.

О Эллис! — Рыцарь без измены!
Сын голубейшей из отчизн!
С тобою раздвигались стены
В иную жизнь...

Где б ни сомкнулись наши веки —
В безлюдии каких пустынь —
Ты — наш, и мы — твои. Во веки
Веков. Аминь.

15 февраля — 4 мая 1914. Феодосия

Але

1
Ах, несмотря на гаданья друзей,
Будущее — неприглядно.
В платьеце — твой вероломный Тезей,
Маленькая Ариадна.

Аля! Маленькая тень
На огромном горизонте!
Тщетно говорю: «Не троньте!»
— Будет день

Милый, грустный и большой:
День, когда от жизни рядом
Вся ты оторвешься взглядом
И душой;

День, когда с пером в руке
Ты на ласку не ответишь,
День, который ты отметишь
В дневнике;

День, когда, летя вперед
Своенравно, без запрета,
С ветром в комнату войдет —
Больше ветра!

Залу, спящую на вид,
Но волшебную, как сцена,
Юность Шумана смутит
И Шопена.

Целый день — настороже,
А ночами — черный кофе,

Лорда Байрона в душе
Тонкий профиль,

Метче гибкого хлыста
Остроумье наготове,
Гневно сдвинутые брови
И уста,

Жажда смерти на костре,
На параде, на концерте, —
Страстное желанье смерти
На заре,

Прелесть двух огромных глаз,
Их угроза, их опасность;
Недоступность, гордость, страстность.
В первый раз...

— Благородным без границ
Станет профиль — слишком белый,
Слишком длинными ресниц
Станут стрелы,

Слишком грустными — углы
Губ изогнутых и длинных,
И движенья рук невинных —
Слишком злы!

«La Belle au bois dormant?»³ Перро, —
Аля! Будет всё, что было:
Так же ново и старо,
Так же мило!..

Будет — сердце, не воюй!
И не возмущайтесь, нервы! —
Будет первый бал и первый
Поцелуй!

Будет он — ему сейчас
Года три или четыре...
— Аля! Это будет в мире —
В первый раз!

13 ноября 1913. Феодосия

2

Ты будешь невинной, тонкой,
Прелестной и — всем чужой.
Стремительной амазонкой,
Пленительной госпожой.

И косы твои, пожалуй,
Ты будешь носить, как шлем,
Ты будешь царицей бала —
И всех молодых поэм.

И многих пронзит, царица,
Насмешливый твой клинок,
И всё, что мне — только снится,
Ты будешь иметь у ног.

Всё будет тебе покорно,
И все при тебе тихи.
Ты будешь, как я — бесспорно —
И лучше писать стихи...

Но будешь ли ты — кто знает? —
Смертельно виски сжимать,
Как их вот сейчас сжимает
Твоя молодая мать.

5 июня 1914

3

Да, я тебя уже ревную,
Такою ревностью, такой!
Да, я тебя уже волную
Своей тоской.

Моя несчастная природа
В тебе до ужаса ясна:
В твои без месяца два года —
Ты так грустна!

Все куклы мира, все лошадки
Ты без раздумия отдашь —
За листик из моей тетрадки
И карандаш.

Ты с няньками в какой-то ссоре —
Все делать хочется самой!
И вдруг отчаянье, что «море
Ушло домой».

Не передашь тебя — как гордо
Я о тебе ни повествуй! —
Когда ты просишь: «Мама, морду
Мне поцелуй».

Ты знаешь, всё во мне смеется,
Когда кому-нибудь опять
Никак тебя не удается
Поцеловать.

Я — змей, похитивший царевну, —
Дракон! — Всем женихам — жених! —
О свет очей моих! — О ревность
Ночей моих!

6 июня 1914

С<ергею> Э<фрону>

Я с вызовом ношу его кольцо!
— Да, в Вечности — жена,
не на бумаге! —
Чрезмерно узкое его лицо
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза — прекрасно-бесполезны! —
Под крыльями раскинутых бровей —
Две бездны.

В его лице я рыцарству верна,
— Всем вам, кто жил и умирал без страху! —
Такие — в роковые времена —
Слагают стансы — и идут на плаху.

3 июня 1914. Коктебель

* * *

Не думаю, не жалуюсь, не спорю.
Не сплю.
Не рвусь ни к Солнцу, ни к Луне, ни к морю,
Ни к кораблю.

Не чувствую, как в этих стенах жарко,
Как зелено в саду.
Давно желанного ижданного подарка
Не жду.

Не радуют ни утро, ни трамвая
Звенящий бег.
Живу, не видя дня, позабывая
Число и век.

На, кажется, надрезанном канате
Я — маленький плясун.
Я — тень от чьей-то тени. Я — лунатик
Двух темных лун.

13 июля 1914

Бабушке

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! — Кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица —
Локоны, в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд,
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто Вы?

Сколько возможностей Вы унесли,
И невозможностей — сколько? —
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж,
Темные звезды погасли.
— Бабушка! — Этот жестокий мятеж
В сердце моем — не от Вас ли?..

4 сентября 1914

П<етру> Э<фрону>

1

День августовский тихо таял
В вечерней золотой пыли.
Неслись звенящие трамваи,
И люди шли.

Рассеянно, как бы без цели,
Я тихим переулком шла.
И — помнится — тихонько пели
Колокола.

Воображая Вашу позу,
Я все решала по пути:
Не надо или надо — розу
Вам принести.

И все приготавливала фразу,
Увы, забытую потом!
И вдруг — совсем неожиданно! — сразу! —
Тот самый дом.

Многоэтажный, с видом скуки...
Считаю окна, вот подъезд.
Невольным жестом ищут руки
— На шее — крест.

Считаю серые ступени,
Меня ведущие к огню.
Нет времени для размышлений.
Уже звоню.

Я помню точно рокот грома,
И две руки свои, как лед.
Я называю Вас. — Он дома.
Сейчас придет.

Пусть с юностью уносят годы
Все незабвенное с собой. —
Я буду помнить все разводы
Цветных обоев,

И бисеринки абажура,
И шум каких-то голосов,
И эти виды Порт-Артура,
И стук часов.

Миг, длительный по крайней мере —
Как час. Но вот шаги вдали.
Скрип раскрывающейся двери —
И Вы вошли.

И было сразу обаянье.
Склонился, королевски прост. —
И было страшное сиянье
Двух темных звезд,

И их огромные прищурья.
Вы не узнали, нежный лик,
Какая здесь играла буря —
Еще за миг.

Я героически боролась. —
Мы с Вами даже ели суп! —
Я помню заглушенный голос
И очерк губ.

И волосы, пушистей меха,
И — самое родное в Вас! —
Прелестные морщинки смеха
У длинных глаз.

Я помню — Вы уже забыли:
Вы — там сидели, я — вот тут.
Каких мне стоило усилий,
Каких минут —

Сидеть, пуская кольца дыма,
И полный соблюдать покой...
Мне было прямо нестерпимо
Сидеть такой!

Вы эту помните беседу
Про климат и про букву ять.
Такому странному обеду
Уж не бывать.

В пол-оборота, в полумраке

Смеюсь, сама не ожидав:
«Глаза породистой собаки,
— Прощайте, граф».

17 июня 1914

2

Прибой курчавился у скал —
Протяжен, пенен, пышен, звонок...
Мне Вашу дачу указал —
Ребенок.

Невольно замедляя шаг
— Идти смелей как бы не вправо, —
Я шла, прислушиваясь, как
Скрежещет гравий.

Скрип проезжающей арбы,
Бег паруса. — Сквозь плющ зеленый
Блеснули белые столбы
Балкона.

Была такая тишина,
Как только в полдень и в июле.
Я помню: Вы лежали на
Плетеном стуле.

Ах, не оценят — мир так груб! —
Пленительную Вашу позу.
Я помню: Вы у самых губ
Держали розу.

Не подымая головы
И тем подчеркивая скуку —
О, этот жест, которым Вы
Мне дали руку!

Великолепные глаза,
Кто скажет — отчего! — прищуря,
Вы знали — что сейчас гроза
В моей лазури!

От солнца или от жары —
Весь сад казался мне янтарен;
Татарин продавал чадры,
Ушел татарин...

Ваш рот, надменен и влекущ,
Был сжат — и было все понятно,
И солнце сквозь тяжелый плющ
Бросало пятна.

Все помню: на краю шэз-лонг
Соломенную Вашу шляпу,
Пронзительно звенящий гонг,

И запах

Тяжелых, переспелых роз
И складки в парусинных шторах,
Беседу наших папирос,
И шорох,

С которым Вы, властитель дум,
На розу стряхивали пепел.
Безукоризненный костюм
Был светел.

28 июня 1914

3

Его дочке

С ласточками прилетела
Ты в один и тот же час,
Радость маленького тела,
Новых глаз.

В марте месяце родиться
— Господи, внемли хвале! —
Это значит: быть как птица
На земле.

Ласточки ныряют в небе,
В доме все пошло вверх дном:
Детский лепет, птичий щебет
За окном.

Дни ноябрьские кратки,
Долги ночи ноября.
Сизокрылые касатки —
За моря!

Давит маленькую грудку
Стужа северной земли.
Это ласточки малютку
Унесли.

Жалобный недвижим венчик,
Нежных век недвижен край.
Спи, дитя. Спи, Божий птенчик.
Баю, бай!

12 июля 1914

5

При жизни вы его любили
И в верности клялись навек —
Несите же венки из лилий
На свежий снег.

Над горестным его началом
Помедлите на краткий срок,
Чтоб он под этим первым снегом
Не слишком дрог.

Дыханием души и тела
Согрейте ледяную кровь!
Но, если в вас уже успела
Остыть любовь

К любовнику — любите братца,
Ребенка с венчиком на лбу, —
Ему ведь не к кому прижаться
В своем гробу!

Ах, он, кого вы так любили
И за кого пошли бы в ад,
Он в том, что он сейчас в могиле, —
Не виноват!

От шороха шагов и платья
Дрожавший с головы до ног —
Как он открыл бы вам объятия,
Когда бы мог!

О женщины! Ведь он для каждой
Был весь — безумие и пыл!
Припомните, с какою жадой
Он вас любил!

Припомните, как каждый взгляд вы
Ловили у его очей,
Припомните былые клятвы
Во тьме ночей.

Так и не будьте вероломны
У бедного его креста,
И каждая тихонько вспомни
Его уста.

И, прежде чем отдаться бегу
Саней с цыганским бубенцом,
Помедлите, к ночному снегу
Припав лицом.

Пусть нежно опушит вам щеки,
Растает каплями у глаз...
Я, пишущая эти строки,
Одна из вас —

Не данной клятвы не нарушу.
— Жизнь! — Карие глаза твои! —
Молитесь, женщины, за душу
Самой Любви.

Осыпались листья над Вашей могилой,
И пахнет зимой.
Послушайте, мертвый, послушайте, милый:
Вы все-таки мой.

Смеетесь! — В блаженной крылатке дорожной!
Луна высока.
Мой — так несомненно и так непреложно,
Как эта рука.

Опять с узелком подойду утром рано
К больничным дверям.
Вы просто уехали в жаркие страны,
К великим морям.

Я Вас целовала! Я Вам колдовала!
Смеюсь над загробною тьмой!
Я смерти не верю! Я жду Вас с вокзала —
Домой!

Пусть листья осыпались, смыты и стерты
На траурных лентах слова.
И, если для целого мира Вы мёртвы,
Я тоже мертва.

Я вижу, я чувствую, — чую Вас всюду,
— Что ленты от Ваших венков! —
Я Вас не забыла и Вас не забуду
Во веки веков.

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.
— Письмо в бесконечность.
— Письмо в беспредельность. —
Письмо в пустоту.

4 октября 1914

Германии

Ты миру отдана на травлю,
И счёта нет твоим врагам.
Ну, как же я тебя оставлю?
Ну, как же я тебя предам?

И где возьму благоразумье:
«За око — око, кровь — за кровь», —
Германия — мое безумье!
Германия — моя любовь!

Ну, как же я тебя отвергну,
Мой столь гонимый Vaterland4,
Где все еще по Кёнигсбергу
Проходит узколицый Кант,

Где Фауста нового лелея

В другом забытом городке —
Geheimrath Goethe⁵ по алле
Проходит с тросточкой в руке?

Ну, как же я тебя покину,
Моя германская звезда,
Когда любить наполовину
Я не научена, — когда —

От песенок твоих в восторге —
Не слышу лейтенантских шпор,
Когда мне свят святой Георгий
Во Фрайбурге, на Schwabenthor?⁶

Когда меня не душит злоба
На Кайзера взлетевший ус,
Когда в влюбленности до гроба
Тебе, Германия, клянусь?

Нет ни волшебней, ни премудрей
Тебя, благоуханный край,
Где чешет золотые кудри
Над вечным Рейном — Лорелей.

1 декабря 1914. Москва

ПОДРУГА⁷

1

Вы счастливы? — Не скажешь! — Едва ли!
И лучше — пусть! —
Вы слишком многих, мнится, целовали —
Отсюда грусть.

Всех героинь шекспировских трагедий
Я вижу в Вас.
Вас, юная трагическая леди,
Никто не спас!

Вы так устали повторять любовный
Речитатив!
Чугунный обод на руке бескровной —
Красноречив!

Я Вас люблю! — Как грозовая туча,
Над Вами — грех!
За то, что Вы язвительны и жгучи
И лучше всех.
За то, что мы, что наши жизни — разные
Во тьме дорог.
За Ваши вдохновенные соблазны
И темный рок.

За то, что Вам, мой демон круглолобый,
Скажу: прости!

За то, что Вас — хоть разорвись над гробом! —
Уж не спасти!

За эту дрожь, за то, что неужели
Мне снится сон?
За эту ироническую прелесть
Что Вы — не он.

16 октября 1914

3

Сегодня таяло, сегодня
Я простояла у окна.
Ум — отрезвленной, грудь свободней,
Опять умиротворена.

Не знаю, почему. Должно быть,
Устала попросту душа
И как-то не хотелось трогать
Мятежного карандаша.

Так простояла я — в тумане, —
Далекая добру и злу,
Тихонько пальцем барабаня
По чуть звенящему стеклу.

Душой не лучше и не хуже,
Чем первый встречный: этот вот, —
Чем перламутровые лужи,
Где расплескался небосвод.

Чем пролетающая птица
И попросту бегущий пес.
И даже нищая певица
Меня не довела до слез.

Забвенья милое искусство
Душой усвоено уже.
Какое-то большое чувство
Сегодня таяло в душе.

24 октября 1914

4

Вам одеваться было лень
И было лень вставать из кресел.
— А каждый Ваш грядущий день
Моим весельем был бы весел!

Особенно смущало Вас
Идти так поздно в ночь и холод.
— А каждый Ваш грядущий час
Моим весельем был бы молод!

Вы это сделали без зла,
Невинно и непоправимо.
— Я Вашей юностью была,
Которая проходит мимо.

25 октября 1914

6

Ночью над кофейной гущей
Плачет, глядя на Восток.
Рот невинен и распущен,
Как чудовищный цветок.

Скоро месяц, юн и тонок,
Сменит алую зарю, —
Сколько я тебе гребенок
И колечек подарю!

Юный месяц между веток
Никого не устерег.
Сколько подарю браслетов,
И цепочек, и серег!

Как из-под тяжелой гривы
Блещут яркие зрочки!
Спутники твои ревнивы?
Кони кровные легки!

6 декабря 1914

8

Свободно шея поднята,
Как молодой побег.
Кто скажет имя, кто — лета,
Кто край ее, кто — век?

Извилина неярких губ
Капризна и слаба,
Но ослепителен уступ
Бетховенского лба.

До умиленности чист
Истаявший овал,
Рука, к которой шел бы хлыст
И в серебре — опал.

Рука, достойная смычка,
Ушедшая в шелка,
Неповторимая рука,
Прекрасная рука.

10 января 1915

9

Ты проходишь своей дорогою,
И руки твоей я не трогаю,
Но тоска во мне — слишком вечная,
Чтоб была ты мне — первой встречною.

Сердце сразу сказало: «Милая!»
Всё тебе наугад — простила я,
Ничего не зная — даже имени!
О, люби меня, о, люби меня!

Вижу я — по губам извилиной,
По надменности их усиленной,
По тяжелым надбровным выступам:
Это сердце берется — приступом!

Платье — шелковым черным панцирем,
Голос — с чуть хрипотцой цыганскою,
Всё в тебе мне до боли нравится —
Даже то, что ты не красавица!

Красота, не увянешь за лето.
Не цветок — стебелек из стали ты,
Злее злого, острее острого,
Увезенный — с какого острова?

Опахалом чудишь или тросточкой,
В каждой жилке и в каждой косточке,
В форме каждого злого пальчика —
Нежность женщины, дерзость мальчика.

Все усмешки стихом парируя,
Открываю тебе и миру я
Всё, что нам в тебе уготовано,
Незнакомка с челом Бетховена!

14 января 1915

12

Сини подмосковные холмы,
В воздухе чуть теплом — пыль и деготь.
Сплю весь день, весь день смеюсь, —
должно быть,
Выздоровливаю от зимы.

Я иду домой возможно тише.
Ненаписанных стихов — не жаль!
Стук колес и жареный миндаль
Мне дороже всех четверостиший.

Голова до прелести пуста,
Оттого что сердце — слишком полно!
Дни мои, как маленькие волны,
На которые гляжу с моста.

Чьи-то взгляды слишком уж нежны

В нежном воздухе, едва нагретом...
— Я уже заболеваю летом,
Еле выздоровев от зимы.

13 марта 1915

14

Есть имена, как душистые цветы,
И взгляды есть, как пляшущее пламя...
Есть темные извилистые рты,
С глубокими и влажными углами.

Есть женщины — их волосы, как шлем,
Их веер пахнет гибельно и тонко,
Им тридцать лет. — Зачем тебе, зачем
Моя душа спартанского ребенка?

Вознесение. 1915

15

Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать — куда Вам путь
И где пристанище.

Я вижу: мачта корабля,
И Вы — на палубе...
Вы — в дыме поезда... Поля
В вечерней жалобе...

Вечерние поля в росе,
Над ними — вороны...
— Благословляю Вас на все
Четыре стороны!

3 мая 1915

17

Вспомните: всех голов мне дороже
Волосок один своей головы.
И идите себе... Вы тоже,
И Вы тоже, и Вы.

Разлюбите меня, все разлюбите!
Стерегите не меня поутру.
Чтоб могла я спокойно выйти —
Постоять на ветру.

6 мая 1915

* * *

Безумье и благоразумье,

Позор — и честь,
Всё, что наводит на раздумье,
Всё слишком есть

Во мне — все каторжные страсти
Свились в одну!
Так в волосах моих — все масти
Ведут войну.

Я знаю весь любовный шепот
— Ах, наизусть! —
Мой двадцатидвухлетний опыт —
Сплошная грусть.

Но облик мой — невинно-розов,
— Что ни скажи! —
Я виртуоз из виртуозов
В искусстве лжи.

В ней, запускаемой, как мячик,
— Ловимый вновь —
Моих прабабушек — полячек
Сказалась кровь.

Лгу оттого, что по кладбищам
Трава растет,
Лгу оттого, что по кладбищам
Метель метет...

От скрипки — от автомобиля —
Шелков — огня...
От пытки, что не все любили
Одну меня!

От боли, что не я — невеста
У жениха...
От жеста и стиха — для жеста
И для стиха.

От нежного боа на шее...
И как могу
Не лгать, раз голос мой нежнее —
Когда я лгу...

3 января 1915

* * *

Анне Ахматовой

Узкий, нерусский стан —
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия.

Вас передать одной

Ломаной черной линией.
Холод — в веселье, зной —
В Вашем унынии.

Вся Ваша жизнь — озноб,
И завершится — чем она?
Облачный темен лоб
Юного демона.

Каждого из земных
Вам заиграть — безделица!
И безоружный стих
В сердце Вам целится.

В утренний сонный час
— Кажется, четверть пятого —
Я полюбила Вас,
Анна Ахматова.

11 февраля 1915

* * *

Легкомыслие — милый грех,
Милый спутник и враг мой милый!
Ты в глаза мне взбрызнуло смех
И мазурку взбрызнуло в жилы.

Научив не хранить кольца,
С кем бы жизнь меня ни венчала,
Начинать наугад — с конца,
И кончать — еще до начала.

Быть, как стебель, и быть, как сталь,
В жизни, где мы так мало можем,
Шоколадом лечить печаль
И смеяться в лицо прохожим.

3 марта 1915

* * *

Голоса с их игрой сулящей,
Взгляды яростной черноты,
Опаленные и палящие
Роковые рты. —

О, я с вами легко боролась!
Но — что делаете со мной
Вы, насмешка в глазах, и в голосе —
Холодок родной!

14 марта 1915

* * *

Бессрочно кораблю не плыть
И соловью не петь.
Я столько раз хотела жить
И столько — умереть!

Устав, как в детстве от лото,
Я встану от игры,
Счастливая не верить в то,
Что есть еще миры.

3 мая 1915

* * *

Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной —
Распущенной — и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что Вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочтите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью — всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо Вам и сердцем и рукой
За то, что Вы меня — не зная сами! —
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под Луной,
За Солнце, не у нас над головами, —
За то, что Вы больны — увы! — не мной,
За то, что я больна — увы! — не Вами!

3 мая 1915

* * *

Что видят они? — Пальто
На юношеской фигуре.
Никто не видал, никто,
Что по́лы его, как буря!

Остёр, как мои лета,
Мой шаг молодой и четкий,
И вся моя правота —
Вот в этой моей походке.

И я ухожу навек

И думаю: день весенний
Запомнит мой бег — и бег
Моей сумасшедшей тени.

Весь воздух — такая лесь,
Что я быстроту удвою.
Нет ветра — но ветер есть
Над этою головою!

Летит за крыльцом крыльцо,
Весь мир пролетает сбоку.
Я знаю свое лицо —
Сегодня оно жестоко.

Как птицы полночный крик,
Пронзителен бег летучий.
Я чувствую: в этот миг,
Мой лоб рассекают — тучи!

Вознесение. 1915

* * *

Какой-нибудь предок мой был — скрипач,
Наездник и вор при этом.
Не потому ли мой нрав бродяч
И волосы пахнут ветром?

Не он ли, смуглый, крадет с арбы
Рукой моей — абрикосы,
Виновник страстной моей судьбы,
Курчавый и горбоносый?

Дивясь на пахаря за сохой,
Вертел между губ — шиповник.
Плохой товарищ он был — лихой
И ласковый был любовник!

Любитель трубки, луны и бус
И всех молодых соседок...
Еще мне думается, что — трус
Был мой желтоглазый предок.

Что душу чёрту продав за грош,
Он в полночь не шел кладбищем.
Еще мне думается, что нож
Носил он за голенищем,

Что не однажды из-за угла
Он прыгал — как кошка, гибкий...
И почему-то я поняла,
Что он не играл на скрипке!

И было все ему нипочем,
Как снег прошлогодний — летом!
Таким мой предок был скрипачом.

Я стала — таким поэтом.

23 июня 1915

* * *

Спят трещотки и псы соседовы, —
Ни повозок, ни голосов.
О, возлюбленный, не выведывай,
Для чего развожу засов.

Юный месяц идет к полуночи:
Час монахов — и зорких птиц,
Заговорщиков час — и юношей,
Час любовников и убийц.

Здесь у каждого мысль двоякая,
Здесь, ездок, торопи коня.
Мы пройдем, кошельком не звякая
И браслетами не звеня.

Уж с домами дома расходятся,
И на площади спор и пляс...
Здесь, у маленькой Богородицы,
Вся Кордова в любви клялась.

У фонтана присядем молча мы
Здесь, на каменное крыльцо,
Где впервые глазами волчьими
Ты нацелился мне в лицо.

Запах розы и запах локона,
Шелест шелка вокруг колен...
О, возлюбленный, — видишь, вот она —
Отравительница! — Кармен.

5 августа 1915

* * *

В тумане синее ладана
Панели — как серебро,
Навстречу летит нежданно —
Развеянное перо.

И вот уже взгляды скрещены,
И дрогнул — о чем моля? —
Твой голос с певучей трещиной
Богемского хрусталя.

Мгновенье тоски и вызова,
Движенье — как длинный крик,
И в волны тумана сизого
Окунутый легкий лик.

Всё длилось одно мгновение.

Отчалила... уплыла...
Соперница! — Я не менее
Прекрасной тебя ждала.

5 сентября 1915

* * *

С большою нежностью — потому,
Что скоро уйду от всех, —
Я все раздумываю, кому
Достанется волчий мех,

Кому — разнеживающий плед,
И тонкая трость с борзой,
Кому — серебряный мой браслет,
Осыпанный бирюзой...

И все записки, и все цветы,
Которых хранить — невмочь...
Последняя рифма моя — и ты,
Последняя моя ночь!

22 сентября 1915

* * *

Заповедей не блюла, не ходила к причастью.
Видно, пока надо мной не пропоют литию,
Буду грешить — как грешу — как грешила:
со страстью!
Господом данными мне чувствами — всеми пятью!

Други! Сообщники! Вы, чьи наущения — жгучи!
Вы, сопреступники! — Вы, нежные учителя!
Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи, —
Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля!

26 сентября 1915

* * *

Я знаю правду! Все прежние правды — прочь!
Не надо людям с людьми на Земле бороться!
Смотрите: вечер, — смотрите: уж скоро ночь.
О чем — поэты, любовники, полководцы?

Уж ветер стелется, уже земля в росе,
Уж скоро звездная в небе застынет выюга,
И под землею скоро уснем мы все,
Кто на земле не давали уснуть друг другу.

3 октября 1915

* * *

Два солнца стынут, — о Господи, пощади! —
Одно на небе, другое — в моей груди.

Как эти солнца, — прощу ли себе сама? —
Как эти солнца сводили меня с ума!

И оба стынут — не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячеей.

5 октября 1915

* * *

Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь — уж рвешься прочь.
Я лоб уронила в руки
И думаю, глядя в ночь:

Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть —
Как сами себе верны.

Октябрь 1915

* * *

Быть в аду нам, сёстры пылкие,
Пить нам адскую смолу, —
Нам, что каждою-то жилкою
Пели Господу хвалу!

Нам, над люлькой да над прялкой
Не клонившимся в ночи,
Уносимым лодкой валкою
Под полою епанчи.

В тонкие шелка китайские
Разнаряженным с утра,
Заводившим песни райские
У разбойного костра,

Нерадивым рукодельницам
(Шей не шей, а всё по швам!),
Плясовницам и свирельницам,
Всеми миру — госпожам!

То едва прикрытым рубищем,
То в созвездиях коса.
По острогам да по гульбищам
Прогулявшим небеса.

Прогулявшим в нóчи звёздные
В райском яблочном саду...
— Быть нам, девицы любезные,
Сёстры милые, — в аду!

Ноябрь 1915

* * *

Даны мне были и голос любый,
И восхитительный выгиб лба.
Судьба меня целовала в губы,
Учила первенствовать судьба.

Устам платила я щедрой данью,
Я розы сыпала на гроба...
Но на бегу меня тяжкой дланью
Схватила за волосы Судьба!

31 декабря 1915. Петербург

- 1 В квадратных скобках — даты предполагаемые, обозначенные не самой Цветаевой. (Сост.)
2 Отточием в скобках отмечены сокращения в тексте. (Сост.)
3 «Спящая красавица» (фр.), название сказки Перро.
4 Отечество (нем.).
5 Тайный советник Гёте (нем.).
6 Швабские ворота (нем.), городские ворота во Фрайбурге. (Сост.)
7 Цикл Подруга, как и другие циклы стихов М. Цветаевой, печатается в нашем сборнике не полностью; при этом сохраняется первоначальная нумерация стихотворений. (Сост.)
-

С
к
о
н
в
е
р
т
и
р
о
в
а
н
о

и

о
п
у
б
л
и
к
о
в
а
н
о

н